

Министерство культуры Российской Федерации
Администрация Приозерского муниципального района Ленинградской области
Муниципальное учреждение дополнительного образования

Шумиловская детская школа искусств

Сценарий урока памяти «Ленинградская симфония»

Подготовила и провела
концертмейстер
Волынец Марина Валерьевна

п. Саперное
2025

***"Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе
над врагом, моему родному городу – Ленинграду –
я посвящаю 7-ю симфонию".***

Д. Д. Шостакович. Лето 1941 года

***Рыдали яростно, навзрыд
одной единой страсти ради
на полустанке — инвалид
и Шостакович — в Ленинграде.
Александр Межиров***

22 июня 1941 года. Этот день стал началом страшных испытаний для страны под названием Советский Союз и для ее граждан. Он разделил жизнь людей на «ДО» и «ПОСЛЕ». Для огромного их количества это «ПОСЛЕ» просто не настало. Мечты, планы – все было отложено на потом или уже не осуществилось никогда.

Для истории одного города годы войны стали страшным испытанием, великим горем, но и великой славой. Имя этого города Ленинград. 871 день борьбы, ужасов, голода, смертей и величайшего в истории человечества ежедневного подвига простых жителей. Жить или умереть? Предать Родину или остаться человеком и гражданином? Для основной массы населения города эти вопросы не стояли. Только с любимым городом и только победить.

На экране фото блокадного Ленинграда и разрушенных пригородов.

Показ фотографий идет на фоне звучания пьесы Р. Шумана «Грезы» ор.15, №7 из «Детских сцен» в исполнении хоровой капеллы им. Юрлова

Вместе со всеми ленинградцами ужас первых дней войны разделил и Д. Д. Шостакович – величайший музыкальный гений XX века. Он вместе со всеми рыл окопы, дежурил во время воздушных тревог, делал аранжировки для концертных бригад, отправлявшихся в действующие части. Естественно, роялей на передовых не было, и он перекладывал аккомпанементы для небольших ансамблей. Делал другую необходимую, как ему казалось, работу. Но в первую очередь он оставался музыкантом, великим композитором. И как было с детства, когда в музыке передавались впечатления бурных революционных лет, — в его голове стал созревать крупный симфонический замысел, посвященный непосредственно происходящему. Дмитрий Дмитриевич начал писать Седьмую симфонию. Прежде он никогда и никому не посвящал свои крупные произведения, но эта симфония стала подношением любимому Ленинграду и его жителям. Композитор был движим любовью к родному городу и восхищением и гордостью его великим противостоянием врагу.

За июль – сентябрь 1941 года Шостакович написал четыре пятых своего нового сочинения. Завершение второй части симфонии в чистовой партитуре датировано 17-ым сентября.

16-го сентября 1941-го года, утром, Дмитрий Дмитриевич выступил на ленинградском радио. Фашистские самолеты бомбили город, и композитор говорил под разрывы бомб и грохот зенитных орудий: ***«Час тому назад я закончил партитуру двух частей большого симфонического сочинения. Если это сочинение мне удастся написать хорошо, удастся закончить третью и четвертую части, то тогда можно будет назвать это сочинение Седьмой симфонией.***

Для чего я сообщаю об этом? - спросил композитор,- ...для того, чтобы радиослушатели, которые слушают меня сейчас, знали, что жизнь нашего города идет нормально. Все мы несем сейчас свою боевую вахту... Советские музыканты, мои дорогие и многочисленные соратники по оружию, мои друзья! Помните, что нашему искусству

грозит великая опасность. Будем же защищать нашу музыку, будем же честно и самоотверженно работать...»

Время окончания партитуры третьей части обозначено также в чистовом автографе: 29 сентября.

Наиболее проблематична датировка начала работы над финалом. Известно, что в начале октября 1941 года Шостакович с семьёй был эвакуирован из осаждённого Ленинграда в Москву, а затем переехал в Куйбышев. Находясь в Москве, он сыграл 11 октября готовые части симфонии в редакции газеты "Советское искусство" группе музыкантов. "Даже беглое прослушивание симфонии в фортепианном исполнении автора позволяло говорить о ней, как о явлении громадного масштаба", - свидетельствовал один из участников встречи и отмечал ..., что "финала симфонии ещё нет".

Звучит Симфония №7 ор. 60 «Ленинградская» Д. Д. Шостаковича. На ее фоне продолжается ход урока.

В октябре-ноябре 1941 года страна переживала самый тяжёлый момент борьбы с захватчиками. В этих условиях оптимистический финал, задуманный автором ("В финале хочется сказать о прекрасной будущей жизни, когда враг будет разбит"), не ложился на бумагу. Художник Николай Соколов, живший в Куйбышеве по соседству с Шостаковичем, вспоминает: "Как-то я спросил Митю, почему он не кончает свою Седьмую. Он ответил: " ... Не могу пока писать ... Гибнет столько наших людей!" Зато с какой энергией и радостью он засел за работу сразу же после известия о разгроме фашистов под Москвой! Очень быстро симфония была им закончена чуть ли не за две недели". Контрнаступление советских войск под Москвой началось 6 декабря, а первые значительные успехи принесло 9 и 16 декабря (освобождение городов Елец и Калинин). Сопоставление этих дат и срока работы, указываемого Соколовым (две недели), с датой окончания симфонии, проставленной в чистовой партитуре (27 декабря 1941), позволяет с большой уверенностью отнести начало работы над финалом на середину декабря.

27 декабря 1941 года Седьмая симфония была закончена. Конечно, Шостаковичу хотелось, чтобы ее исполнил любимый оркестр — оркестр Ленинградской филармонии под управлением Мравинского. Но он был далеко, в Новосибирске, а власти настаивали на срочной премьере: исполнению симфонии, которую композитор назвал Ленинградской и посвятил подвигу родного города, придавалось политическое значение. Премьера состоялась в Куйбышеве 5 марта 1942 года. Играл оркестр Большого театра под управлением Самуила Самосуда.

Не менее замечательна и история первых исполнений этой симфонии, как в СССР, так и за рубежом. После куйбышевской премьеры симфонии прошли в Москве и Новосибирске (под управлением Мравинского), но самая замечательная, поистине героическая состоялась под управлением Карла Элиасберга в осажденном Ленинграде.

Вот как вспоминает об этом в своей книге ***«Говорит Ленинград»*** О. Берггольц: никто в осажденном городе даже не мог предположить, что 7-я симфония ***«...будет исполнена в этом же году (1942 прим. Волынец М. В.) у нас, в осажденном городе – и кем?! – нашим же радиокомитетским оркестром! Наши оркестранты почти не играли зимой – не хватало сил, не хватало дыхания, особенно духовым – «диафрагме не на что было опереться».*** Оркестр таял. Некоторые ушли в армию, другие умерли от голода. Трудно забыть мне серые, зимние рассветы, когда совершенно уже свинцово отекий Яша Бабушкин диктовал машинистке очередное донесение о состоянии оркестра.

– Первая скрипка умирает, барабан умер по дороге на работу, валторна при смерти, – отчужденным, внутренне отчаянным голосом диктовал он.

И все же те, кто оставался, – главным образом на казарменном положении при радиокомитете, – помимо службы ПВО, не оставляли и своей основной работы. Самоотверженно работал, репетировал с ними в обледевших студиях какие-то наиболее доступные им по физическим силам произведения Карл Ильич Элиасберг. А когда пришла весть об исполнении Седьмой – «Ленинградской симфонии», а затем самолет доставил в радиокомитет её партитуру, почти несбыточным желанием загорелся

оркестр – исполнить её здесь, на её родине, в осажденном, полуумирающем, но не сдавшемся и не сдающемся городе. Но с первого же взгляда на партитуру Элиасберг понял, что это практически невозможно: гениальная, могучая партитура требовала удвоенного оркестра, – почти сто человек, а в радиокомитете осталось к весне всего пятнадцать живых музыкантов. И все же вместе с художественным руководителем радиокомитета Бабушкиным, вместе с тогдашним исполняющим обязанности председателя радиокомитета Виктором Антоновичем Ходоренко было решено: Седьмую – исполнить в Ленинграде.

На помощь пришел городской комитет партии: во-первых, он выделил оркестрантам дополнительную ежедневную кашу без выреза – кажется, к тому времени это составляло уже целых сорок граммов крупы или соевых бобов. По Ленинграду был через радио объявлен призыв ко всем музыкантам, находящимся в городе, – явиться в радиокомитет для работы в оркестре. Музыканты не могли не откликнуться на этот призыв. Пришел истощенный, но, как всегда, строгий и собранный орденосец Заветновский, концертмейстер, первая скрипка Филармонии. Пришел семидесятилетний старейший артист Ленинграда валторнист Нагорнюк – он играл еще в тех оркестрах, которыми дирижировал Римский-Корсаков, Направник, Глазунов. Сын Нагорнюка, красноармеец, демобилизованный после тяжелого ранения, эвакуировался из города и умолял отца поехать с ним, но спокойно отказался старый музыкант от эвакуации. Разве мог он не играть в Седьмой симфонии?!

И все-таки музыкантов не хватало. Тогда Политуправление фронта и Пубалт отдали распоряжение прикомандировать к сводному городскому оркестру лучших музыкантов из армейских и флотских оркестров! Так защитники Ленинграда начали поднимать свою симфонию...

И вот 9 августа 1942 года после долгого запустения ярко, празднично озарился белоколонный зал Филармонии и до отказа наполнился ленинградцами. С фронта, откуда можно было прийти и приехать на трамвае (они вновь стали ходить весной на наших улицах), с прифронтовых заводов подходили и подходили рабочие, сооружающие оружие обороны и наступления Ленинграда; архитекторы, уже проектирующие его возрождение; учителя, диктовавшие детям диктанты в бомбоубежищах; писатели и поэты, не складывавшие пера в самое лютое время недавно миновавшей зимы; солдаты, офицеры, советский и партийный актив города Ленина.

На сцену вышли музыканты. Огромная эстрада Филармонии была тесно заполнена – за пультами сидел сводный городской оркестр. Здесь было ядро его – музыканты радиокомитета артисты И.Ясинявский, потушивший первую «зажигалку» на крыше радиокомитета, начальник пожарного звена скрипач А.Прессер, музыканты А.Сафонов и Е.Шах, рывшие окопы близ Пулкова; здесь сидели музыканты в армейских гимнастерках и флотских бушлатах – здесь сидели защитники Ленинграда, готовые, как и в предыдущие дни, в любое мгновение отдать жизнь за родной город, за Родину, за народ.

За дирижерский пульт встал Карл Ильич Элиасберг, – он был во фраке, в самом настоящем фраке, как и полагается дирижеру, и фрак висел на нем, как на вешалке, – так исхудал он за зиму... Мгновение полной тишины, и вот – началась музыка. И мы с первых тактов узнали в ней себя и весь свой путь, всю уже тогда легендарную эпопею Ленинграда: и наступающую на нас страшную, беспощадную, враждебную силу, и наше вызывающее сопротивление ей, и нашу скорбь, и мечту о светлом мире, и нашу несомненную грядущую победу. И мы, не плакавшие над погибающими близкими людьми зимой, сейчас не могли и не хотели сдерживать отрадных, беззвучных, горячих слез, и мы не стыдились их... А нам, радиоработникам, сквозь изумительную эту музыку еще все время звучал и негромкий, спокойный и мудрый голос ее создателя Дмитрия Шостаковича, доносящийся из сентября 1941 года, когда враг рвался в город Ленина: «Заверяю вас, товарищи, от имени всех ленинградцев, что мы непобедимы и всегда стоим на своем боевом посту...»

Отзвучал последний аккорд, и в зале на несколько секунд повисла тишина. И вдруг все люди встали в едином порыве – по их щекам катились слезы радости и гордости, а ладони раскалились от грома аплодисментов. Из партера на сцену выбежала девочка и преподнесла

дирижеру букет полевых цветов. Через десятилетия найденная ленинградскими школьниками-следопытами Любовь Шнитникова расскажет, что она специально выращивала цветы для этого концерта. «Эти люди достойны были исполнять симфонию своего города, и музыка была достойна их самих...» – отзывались тогда в «Комсомольской правде» Георгий Макогоненко и Ольга Берггольц.

Только после войны станет известно, что именно на этот день 9 августа Гитлер намечал торжественное празднование захвата города Ленинграда. Всем офицерам фронта были разосланы пригласительные билеты на это мероприятие. А вместо этого по радио из осажденного, но не сдавшегося города, пережившего страшную морозную зиму, неслась музыка Д. Д. Шостаковича. Есть легенда о том, что немцы, услышав эту музыку в окопах под Ленинградом, шептались, что такой народ непобедим!

Седьмую симфонию Шостаковича нередко сравнивают с документальными произведениями о войне. Называют «документом», «хроникой», ведь она передает дух событий необычайно точно. Но одновременно эта музыка потрясает и глубиной мысли, а не только непосредственностью впечатлений. Схватку народа с фашизмом Шостакович раскрывает как борьбу двух полюсов:

- мира разума, творчества, созидания и - мира жестокости и разрушения;
- настоящего Человека и - цивилизованного варвара;
- добра и зла.

Потом следует знаменитый эпизод фашистского нападения, грандиозная картина вторжения силы разрушения.

Последний «мирный» аккорд экспозиции продолжает звучать, когда издали уже доносится дробь военного барабана. На ее фоне развивается странная тема – симметричная (ходу на квинту вверх соответствует ход на кварту вниз), отрывистая, аккуратная. Словно дергаются паяцы. Эпизод нашествия выстроен в форме вариаций на одну тему в тональности ми-бемоль мажор, неизменную мелодически. Постоянной остается постепенно усиливающаяся барабанная дробь. От вариации к вариации меняются оркестровые регистры, тембры, динамика, плотность фактуры, присоединяется больше полифонических голосов. Все эти средства и расширяют характер темы.

В проведении темы всего 11 вариаций. В первых двух мертвенность и холод звучания подчеркиваются тембром флейты в низком регистре (первая вариация), а также сочетанием этого инструмента с флейтой пикколо на расстоянии полутора октав (вторая вариация).

В третьей вариации механическая монотонность выделяется сильнее: фагот копирует каждую фразу у гобоя октавой ниже. Тупо отбивающий ритм новая фигура вступает в басу.

Воинственный характер музыки усиливается с четвертой по седьмую вариации. В игру вступают медные духовые инструменты (труба, тромбон с сурдиной в четвертой вариации). Тема впервые звучит **forte**, она излагается параллельными трезвучиями (шестая вариация).

В восьмой вариации тема начинает устрашающе звучать **fortissimo**. Она проигрывается в нижнем регистре в унисон восемью валторнами со струнными и деревянными духовыми инструментами. Автоматическая фигура из третьей вариации теперь поднимается, отстукиваемая ксилофоном в сочетании с другими инструментами.

К железному звучанию темы в девятой вариации присоединяется мотив стога (у тромбонов и труб в верхнем регистре). И, наконец, в последних двух вариациях темой овладевает торжествующий характер. Создается впечатление, что железный монстр с оглушительным лязгом тяжело ползет прямо на слушателя. И тут происходит то, чего никто не ожидает.

Тональность резко меняется. Вступает еще одна группа тромбонов, валторн и труб. К тройному составу духовых инструментов в оркестре седьмой симфонии добавлены еще 3 тромбона, 4 валторны и 3 трубы. Звучит драматический мотив, называемый мотивом сопротивления. В прекрасной статье, которая посвящена седьмой симфонии, Евгений Петров так написал о теме нашествия: *«Она обрастает железом и кровью. Она сотрясает зал. Она сотрясает мир. Что-то, что-то железное идет по человеческим костям, и вы слышите их хруст. Вы сжимаете кулаки. Вам хочется стрелять в это чудовище с цинковой мордой, которое неумолимо и методично шагает на вас,- раз, два, раз, два. И вот, когда, казалось*

бы, уже ничто не может спасти вас, когда достигнут предел металлической мощи этого чудовища, неспособного мыслить и чувствовать... происходит музыкальное чудо, которому я не знаю равного в мировой симфонической литературе. Несколько нот в партитуре, - и на всем скаку (если можно так выразиться), на предельном напряжении оркестра, простая и замысловатая, шутовская и страшная тема войны заменяется всесокрушающей музыкой сопротивления».

Рассказ о теме нашествия из 7-й симфонии Д. Д. Шостаковича звучит на фоне показа фото картины К.Васильева «Нашествие»

Неизвестно когда именно, в конце 30-х или в 1940 году, но, во всяком случае, еще до начала Великой Отечественной войны, Шостакович написал вариации на неизменную тему — пассакалью, сходную по замыслу с «Болеро» М. Равеля. Он показывал ее своим младшим коллегам и ученикам (с осени 1937 года Шостакович преподавал в Ленинградской консерватории композицию и оркестровку). Тема простая, как бы приплясывающая, развивалась на фоне сухого стука малого барабана и разрасталась до огромной мощи. Сначала она звучала безобидно, даже несколько фривольно, но вырастала в страшный символ подавления. Композитор отложил это сочинение, не исполнив и не опубликовав его.

Общественность всего мира восприняла исполнение Седьмой симфонии как событие огромной важности. Вскоре из-за рубежа стали поступать просьбы выслать партитуру. Между крупнейшими оркестрами западного полушария разгорелось соперничество за право первого исполнения симфонии. Выбор Шостаковича пал на Артуро Тосканини. Через мир, охваченный огнем войны, полетел самолет с драгоценными микропленками, и 19 июля 1942 года Седьмая симфония была исполнена в Нью-Йорке. Началось ее победное шествие по земному шару.

И оно, это шествие не закончилось до сих пор. Трудно современному человеку понять, прочувствовать, что пережили защитники Ленинграда. А музыка Д. Д. Шостаковича дает эту возможность: закройте глаза, услышьте, прочувствуйте, встаньте и поклонитесь детям и старикам, юным и зрелым, всем тем, кто с гордостью пронес до самой смерти звание «**Я – ленинградец!**»

Помните!
Через века,
через года, –
помните!
О тех,
кто уже не придет
никогда, –
помните!
Не плачьте!
В горле сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
павших
будьте достойны!
Вечно
достойны!
Хлебом и песней,
мечтой и стихами,
жизнью просторной,
каждой
секундой,
каждым
дыханьем,
будьте достойны!

Люди!
Покуда сердца
стучатся, –
помните!
Какою ценой
завоевано счастье, –
пожалуйста,
помните!
Песню свою
отправляя в полет, –
помните!
О тех,
кто уже никогда не споет, –
помните!
Детям своим
расскажите о них,
чтоб запомнили!
Детям
детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!
Во все времена
бессмертной Земли
помните!
К мерцающим звездам
ведя корабли, –
о погибших
помните!
Встречайте трепетную весну,
люди Земли!
Убейте
войну,
прокляните
войну,
люди Земли!
Мечту пронесите через года
и жизнью наполните!..
Но о тех,
кто уже не придет
никогда, –
заклинаю, –
помните!

Отрывок из поэмы Р. Рождественского «Реквием» звучит на фоне 4-й части 6-й ор.74 «Патетической» симфонии П. И. Чайковского. На экране идет показ гравюр Стасита Красаускаса из цикла "Вечно живые"

Список использованных материалов:

1. Аверьянова О.И. Отечественная музыкальная литература XX века: Учебник для ДМШ. – М.: Музыка, 2002
2. Пожидаев Г.А. Рассказы о музыке. – М.: Молодая гвардия, 1975.
3. Мархасёв Л.С. «Любимые и другие». – Л.: Детская литература, 1978.
4. Берггольц О.Ф. «Дневные звезды. Говорит Ленинград». – Л.: Художественная литература, 1985.
5. Красаускас С.А. «Вечно живые». Альбом гравюр. – Vilnius: Leidykla VAGA, 1976
6. Рождественский Р.И. Лучшие стихи и песни. – М.: Астрель, 2013
7. Фотографии блокадного Ленинграда из интернет-ресурса: <http://vk.com/public26389816>
8. Чайковский П.И. Симфония № 6 h-moll «Патетическая», ор. 74, ч. 4.
9. Шуман Р. Грезы ор.15 № 7. Сборник «Детские сцены»
10. Шостакович Д.Д. Симфония № 7 C-dur «Ленинградская», ор. 60, ч. 1